ТЕНИ
почтового тракта

Инга Берг

Инга Берг

Тени почтового тракта

«Автор»
2026

Берг И.

Тени почтового тракта / И. Берг — «Автор», 2026

1664 год. Время правления Алексея Михайловича Романова, прозванного «Тишайшим». Закончились смутные времена, прошли соляной и медный бунты, и в государстве — относительная тишина и покой. Подьячий Приказа Тайных дел Алексей Громов везёт в Ярославль секретное письмо. По дороге он подбирает мальчишку-сироту, сбежавшего из монастыря. К ночи они достигают постоялого двора, затерянного на тракте среди лесов, и стучатся в его ворота. Но что таится за гостеприимной улыбкой хозяина? Почему хозяин с женой переглядываются, когда думают, что гости не видят? Почему так много лошадей в конюшне? Какие секреты хранит постоялый двор?Алексей слишком давно служит в Тайном приказе, чтобы не замечать мелочей. И этой ночью он будет настороже. Но хватит ли его опыта и сил, чтобы уйти живым? К тому же теперь он отвечает и за жизнь доверившегося ему мальчишки

© Берг И., 2026
© Автор, 2026

Инга Берг
Тени почтового тракта

Пролог

Лошади выбивались из сил, таща за собой тяжело груженные повозки. Возничие, пытаясь хоть как-то помочь своим лошадям, спешивались, брали их под уздцы и вели, утопая по колено в глубоком рыхлом снегу. Буран, начавшийся с утра, к вечеру ещё более усилился и теперь превратился в одно сплошное снежное месиво, в котором нельзя было понять, где небо, где земля. Накатанная дорога, по которой ещё вчера бойко шли лошади, теперь, засыпанная толстым слоем снега, не угадывалась совершенно. Лошади сбивались с пути, оступались и проваливались в глубокий, по грудь, сугроб там, где ещё вчера была обочина дороги, а сейчас — одна сплошная белая мгла. И тогда приходилось вытаскивать упряжку, навалившись всем вместе, падая и проваливаясь в снежную кашу чуть не по макушку. Устали и выбились из сил лошади, устали люди, идя из последних сил и проклиная на чём свет стоит и погоду, и дорогу, и судьбу, которая заставила их в такую пору оказаться на ночной дороге. Постоялый двор, до которого обоз должен был добраться ещё к сумеркам, и не думал показываться. И люди начинали бояться, что в круговерти метели они просто сбились с пути и никакого постоялого двора на их пути не окажется. И где же им тогда в такую ночь остановиться, укрыться от метели, самим отдохнуть да лошадям дать отдых? А ветер, будто ошалев от радости, что ему попались беззащитные люди, горстями кидал жёстким, крупенистым снегом в лицо, сбивал с ног, слепил глаза. И возничие, ведя своих лошадей под уздцы, склонив головы и пытаясь хоть как-то закрыться от бьющего в лицо снега, медленно брели вперёд. В такую погоду, как говорится, хороший хозяин собаки не выгонит. А они вот оказались в открытом поле, в такую пургу, да ещё и ночью.

Обоз, а это был обоз, вёз из Нижнего Новгорода в Москву, в Приказ Большой казны, собранный за последний год налог: два кованых сундука с золотом и столько же с серебром. Кроме того — тайные донесения да учётные грамоты, а ещё подарки от нижегородского воеводы: рыба, дичь, мёд, меха. Двое крытых саней, в которых, кроме возничих и двух посыльных от воеводы, ехали ещё и охранники, по два человека на подводу, вооружённые саблями и пищалями. Да по два конника впереди обоза и за ним. Двигались они ходко, дорога была укатанной. За последнее время метели не было, и полотно дороги было ровным и плотным — до сегодняшнего утра, когда в одночасье, как по чьему-то приказу, вдруг разразилась такая непогода. Оно и до Москвы уже немного оставалось, всего один переход, и назавтра к вечеру бы и въехали в Белокаменную. А сейчас найти бы постоялый двор! Каждый из путников молил Бога только об этом — укрыться от метели, погреться у огня, поесть горячих щей да лошадей завести в тёплую конюшню. И вдруг, как награда за их мольбы, впереди мелькнул огонёк.

— Смотрите, впереди огонь! Свет! — закричал один из идущих впереди охранников, указывая рукой куда-то во вьюжную темноту.

Тут же по всему обозу пролетело, прошелестело:

— Свет впереди! Дошли! Спасибо, Господи, никак, постоялый двор!

И лошади, которым передалось настроение людей, пошли быстрее, стремясь дойти до долгожданного привала. Вскоре обозники и в самом деле увидели занесённое снегом приземистое длинное строение, в котором тусклым светом светился ряд окон. Повеселевшие путники направились к нему.

Как только первые сани остановились у ворот постоялого двора — а это был именно он, — тяжёлые ворота со скрипом, преодолевая сугроб, раскрылись ровно настолько, что в них просунулся человек в накинутом на плечи тулупе. Сделав приглашающий взмах рукой, он начал толкать ворота, чтобы полностью открыть их. Но снежный занос не давал это сделать, и он оглянулся на приезжих, как бы призывая их на помощь: одному ворот не открыть. На помощь хозяину поспешили сразу несколько охранников, которые успели выскочить из саней, и они общими усилиями распахнули ворота, давая возможность лошадям проехать на широкий двор. Лошади, почувствовавшие скорый отдых, пофыркивали и трясли головами, а люди, высыпавшие из саней, спешившиеся охранники, отряхивались от снега, разминали ноги, переговариваясь между собой и расспрашивая хозяина постоялого двора. Тот, кликнув откуда-то вынырнувших двоих помощников, стоя у крыльца, распоряжался, куда ставить сани, куда заводить выбившихся из сил лошадей, а затем, обернувшись, позвал людей проходить в дом.

— Места всем хватит, тесноте да не в обиде, — проговорил он, топая на крыльце, чтобы сбить с ног налипший снег.

За тяжёлыми, сколоченными из толстых струганных досок дверьми сразу открывалась большая трапезная. На столах, за которыми сидели несколько человек, видимо такие же невезучие путники, которых пурга захватила в пути, изредка стояли сальные свечи, тусклый свет от которых едва освещал лица постояльцев. Столов было три, длинных, сколоченных, как и дверь, из толстых и широких досок. За ними виднелись широкие лавки, крепившиеся прямо к стене.

Сидевшие за столом подняли головы и с интересом смотрели на только что вошедших путников, которые с удовольствием скидывали тяжёлую, застывшую от снега верхнюю одежду прямо у порога и, довольно покрякивая и потирая замёрзшие руки, потянулись к столам.

Хозяин постоялого двора, теперь тоже без тулупа, оказался невысоким лысоватым мужиком с реденькой бородкой на круглом лице, одетым в поношенный тёмный кафтан и такие же тёмные штаны, заправленные в мягкие опорки. На круглом лице его блуждала улыбка, словно он был очень рад запоздалым гостям.

— Эй, Федька, Лукерья, где вы там? — крикнул он в сторону большой печи в углу трапезной. Видимо, там располагалась кухня — Несите щей гостям!

В ту же секунду, будто ждала этого окрика, из-за загородки за печью вышла высокая сухопарая женщина в тёмном сарафане и платке до самых глаз, неся в руках плетёные тарелки с крупно нарезанным ноздреватым тёмным хлебом. Не взглянув ни на кого, она молча поставила тарелки на два стола, которые заняли поздние гости, и снова шагнула к печи. Навстречу ей уже шёл молодой парень в домотканой рубахе, неся в каждой руке по плошке с дымящимися щами. Вдвоём, вынося каждый раз по две плошки, они метались от стола к кухонной загородке за печкой, и вскоре перед каждым гостем стояла большая глиняная плошка с навaристыми щами, в которых лежал большой кусок мяса с косточкой. Изголодавшиеся и усталые люди сразу накинулись на еду, и вскоре в трапезной были слышны только постукивание ложек да чмоканье и чавканье ртов. Женщина с парнем между тем поставили перед каждым из едоков такие же глиняные кружки с квасом, который был выпит с не меньшим удовольствием.

Спустя какое-то время женщина и парень снова вышли из-за печки и молча, тихо и быстро собрали со стола посуду. Все едоки, исключая тех, что сидели в трапезной до приезда запоздалых гостей, крепко спали, опустив головы прямо на стол. Парень в домотканой рубахе, которого хозяин назвал Федькой, толкнул одного, второго — люди спали крепким сном и не проснулись от толчков.

— Тятенька, готово! — сказал он громко и захихикал.

Люди, которые сидели за третьим столом, молча поднялись и начали надевать свои армяки, лежавшие тут же. Хозяин, на миг показавшись из двери комнаты, которая виднелась в дальнем углу, молча кивнул и вышел. Из кухни снова показалась высокая женщина и, обращаясь к хозяину, чуть слышно прошелестела:

— Не здесь, Ермолай! А то мне опять кровищу отмывать!

— Да не придётся отмывать, и так не проснутся! — усмехнулся хозяин. — Отравы не пожалел!

— А те ли это гости, которых ждём? — так же тихо спросила Лукерья. — Как бы не случайные…

— А тебе что, жаль, если случайные окажутся? — в глазах хозяина мелькнуло удивление. — Ништо жалость взяла, а, Лукерья?

— Пошто жалость… — ответила без тени сомнения женщина. — Зачем грех лишний на душу брать?

— Хе-хе, — хмыкнул хозяин, так же натягивая тёплый зипун, чтобы выйти на улицу. — Тебе ли грехи считать?

Женщина бросила злой взгляд на мужа и молча ушла за загородку, где принялась греметь посудой. Между тем с улицы в трапезную вошло ещё несколько рослых бородатых мужиков, заросших густой бородой, и вместе с теми, кто был здесь до приезда обоза, стали брать спящих за столом людей за руки, за ноги и выволакивать на улицу. Там прямо у крыльца стояло три повозки с санями-розвальнями, в которые и погрузили вповалку людей. Никто из опьянённых смертельным ядом людей не проснулся.

— Давай, трогай, — махнул Ермолай бородачам, взявшим под уздцы лошадей. — Подальше в глубину леса, искать не будут, — сказал он. — Да и волкам пожива будет, до весны косточки разнесут!

Он повернулся, чтобы уйти в тепло дома от вырывающей полы зипуна пурги, и тут увидел замершего от ужаса охранника, которого оставили на часах охранять груз и коней.

— Эк, затыка! — ругнулся Ермолай и, тронув стоящего рядом разбойника, указал на охранника. Тот удивлённо вскинул лохматые брови и, схватив непонятно откуда взявшийся огромный тесак, ринулся на несчастного охранника, который от ужаса не мог сдвинуться с места. И только в последний миг он вскрикнул и рванул с места, но было уже поздно. Кинувшийся к нему наперерез другой разбойник с маху полоснул саблей, и голова несчастного покатилась по снегу, а тело, сделав ещё пару шагов, повалилось следом. Из обрубка шеи фонтаном хлынула кровь, тут же впитываясь в рыхлый снег. В этот момент из конюшни вышел второй охранник и, даже не успев ничего понять, был так же поражён ударом сабли. Клинок прошёл сквозь него, после чего ударивший встряхнул тело, освобождая свой клинок, и толкнул несчастного на снег.

— Эх, кровя пустили! — ругнулся наблюдавший за тем, как грузят ещё и этих двоих в сани, Ермолай. И приказал Федьке, стоявшему рядом: — Возьми лопату, да снег с юшкой тоже покидай в сани!

Тот кинулся выполнять распоряжение отца, правда, ворча и приговаривая, что всю кровь-то тут не собрать. Но комья окровавленного снега полетели на тела людей, лежащих в санях. Затем стоявший за санями рослый разбойник свистнул, и лошади, пугаясь своего страшного груза, фыркая и пугливо поводя ушами, уволокли сани со двора.

-Сани-то распрягите да там и оставьте, - негромко сказал Ермолай, тронув за рукав одного из разбойников, - негде их тут ставить, и продать не продашь, приметные. Тот кивнул и поспешил за лошадьми, уже выехавшими со двора.

Оставшись одни, Ермолай, Федька и рослый разбойник, весь заросший чёрной бородой и волосами, открыли сарай и стали таскать сундуки и мешки, что лежали в санях, в дом.

Глава 1. Утро подьячего

Алексей проснулся и долго лежал, прислушиваясь к утренним шорохам дома. Было ещё темно, но в большом доме его дяди, судьи Приказа тайных дел Громова Петра Алексеевича, всегда просыпаются рано. Уже копошится на кухне, внизу, на первом этаже, стряпуха Агафья,

готовя к завтраку кашу да кисель, заваривая в особом серебряном чайничке чай для дяди — любит он этот диковинный горький напиток, требует, чтобы ему каждое утро подавали. А с ним и все домочадцы стали привыкать его пить. Агафья к чаю то блинцов напечёт, то пирогов, и получается и не горько, и вкусно. А в тётушкиной половине дворовая девка Палаша помогает одеться да расчесаться своей хозяйке, Наталье Васильевне. Скоро в горнице внизу часы пробьют восемь утра, и к этому времени все спустятся к столу, соберутся завтракать. Эти большие часы, что стояли в углу горницы, были гордостью дядюшки. Он их привёз из Англии, когда ездил туда по посольским делам от имени государя. Много тогда он диковинных вещей привёз. Да хотя бы и тот же чай, который попробовал и полюбил там. Это потом ему стали чай привозить китайские купцы. А тогда, из англицкой земли, привёз дядюшка небольшой мешочек, в каких мошну возят, и очень берёг! И вот эти часы, которые теперь стояли в большой горнице, громко тикали и каждый час отбивали громкий бой. Уже и домашние стали сверять свои дела по часам, и даже прислуга с гордостью хвалилась перед соседской, что де они в их доме все привыкли делать по часам.

За окном медленно, нехотя отступала зимняя ночь. Морозное утро вступало в Москву, и город, ещё сонный, окутанный сизым дымом из труб, начинал подавать голос. Где-то далеко, за воротами, скрипнула колодезная журавель, залаяла собака, замычала корова — кто-то уже выгонял скотину. Пахло дымом, печёным хлебом и тем особенным морозным воздухом, от которого захватывало дух и щипало в носу. Алексей потянулся, чувствуя, как под тёплым одеялом ещё держится сонное тепло, а за его пределами уже гуляет стылый сквозняк. В доме было тепло — печи топились с вечера, и каменные стены держали это тепло до утра, — но по полу всё равно тянуло холодом, и Алексей, встав, поёжился, нашарил ногами мягкие сапоги и подошёл к узкому стрельчатому окну.

Ночной буран, бушевавший над Москвой до самого рассвета, к утру наконец выдохся. Ветер стих, и снег, ещё вчера летевший сплошной стеной, теперь лежал ровно и тяжело, укрыв город белым, нетронутым покрывалом. Улица, видная из окна, утопала в сугробах по самые оконца первых этажей. Занесённые снегом заборы, крыши, поленницы — всё сливалось в одну сплошную белизну, в которой только кое-где чернели протоптанные с ночи тропы. Дым из труб поднимался прямо, столбами, — верный признак того, что мороз крепчает. Воздух был чистый, звенящий, и, если приоткрыть створку, — Алексей знал это по опыту, — он обжигал лицо, как крапива. За ночь зима взяла Москву в крепкие тиски, и теперь город, казалось, затаился, придавленный студёной тишиной, и только редкие звуки — скрип полозьев, перестук копыт, дальний колокольный звон — напоминали, что жизнь в нём не остановилась.

Зимнее утро только-только начало рассеивать ночную тьму, но по улицам уже шли ранние прохожие. Москва — она такой город - все куда-то бегут, спешат, у всех дела. Приказчики бегут открыть свои лавки, чтобы ранние покупатели успели купить кому чего надо. Ямщики бегут в свои конюшни, чтобы успеть запрячь своих лошадей до того, как к ним прибегут подьячие да посыльные, да гонцы с бумагами да поручениями. Подьячие бегут, чтобы успеть до прихода дьяка сесть за своё рабочее место. Потом разного рода торговцы побегут на рынки, кто на Сытный рынок, кто на Конный, кто на Красную площадь, а кто и в Китай-город, на торговые ряды. А может, кто и в Гостиный двор, где торгуют богатым товаром иноземные купцы. Позже, после торговцев и служак, чинно пойдут домохозяйки, суетливо побегут кухарки да домовые девицы по поручениям хозяев — купить всякую снедь. Начнут выкрикивать торговцы пирогами, на разные лады расхваливая свой товар. И так весь день — суета, шум, гомон. Что делать, это Москва! Широко раскинулась она за кремлёвскими стенами, минуя белогородские стены, за земляной вал, приращиваясь к городским стенам многочисленными ремесленными слободами.

Дом дяди Алексея, судьи Тайного Приказа Громова Петра Алексеевича, находился в Белом городе — большой и просторный, каменный, окружённый высоким забором, за которым, сквозь макушки деревьев, виднелись стрельчатые окна второго этажа. Всевозможные хозяйственные постройки — конюшня, амбары, баня, склады — находились на заднем дворе, и вошедшему во двор посетителю открывалось только парадное крыльцо и сад, окружающий дом. Сам Пётр Алексеевич Громов, ставший теперь судьёй Тайного Приказа и выполнявший указы государя, много ездил, как царёв посланник, по европейским государствам и привёз оттуда любовь к европейскому стилю. Он и платье любил англицкое, и порядки у себя в доме завёл европейские, и дом свой обставил привезённой оттуда мебелью из красного дерева, а полы застелил привезёнными из Персии коврами, отчего шаги в доме стали совсем неслышными, а шагать по ним — истинное удовольствие, хотя и от широких лавок и большого стола в горнице, примыкающей к кухне, не отказался. В этой-то горнице, которую Пётр Алексеевич на европейский манер называл столовой залой, среди икон в богатых окладах и стояли те самые большие часы, привезённые из Европы, которые громко, на весь дом, отбивали каждый прошедший час. Соседняя комната называлась гостиной. Тут дядюшка Пётр Алексеевич принимал пришедших к нему по делам гостей. Гостиная была обставлена европейскими диванами и креслами, низенькими столами, резными шкафами на витых ножках, а полы тоже устилали ковры. В глубине гостиной виднелась крепкая дубовая дверь. Вход туда был запрещён для всех. Вернее, входить туда можно было, только если сам Пётр Алексеевич позовёт. Это был его кабинет. В центре его стоял большой письменный стол со столешницей из морёного дуба, на котором стоял чернильный прибор и подсвечник, большой, трёхрожковый, с толстыми восковыми свечами; всегда наготове лежала кипа бумаги, прижатой тяжёлым прессом, а стены сплошь забраны полками, на которых теснились книги, свитки и какие-то странные предметы, которые дядя собирал годами и предназначение которых знал только он. Здесь, в этом кабинете, сидя за своим столом в глубоком удобном кресле, он проводил почти всё своё свободное время. В последнее время он стал всё чаще приглашать Алексея в свой кабинет и показывать ему артефакты, которые собирал, рассказывал о книгах и давал их читать. Он видел, что Алексей, обладая живым умом и стремлением расти, как губка впитывает знания, много читает, и поэтому видел в нём своего наследника. Бог не наградил его сыном, а четыре его дочери выросли, и он уже всех их выдал замуж. Хорошо выдал, в хорошие дома, боярские. Да только как их ни люби, дочери — не сыновья, не унаследуют ни имя отцово, ни чин, ни состояния. И вот Бог послал ему Алексея, Алёшеньку, племянника, оставшегося сиротой с малолетства. Родители его, младший брат Петра Алексеевича Михаил да его жена Аннушка, померли от холеры, разыгравшейся в Москве. И старая кормилица принесла Алёшку сюда, в дом Петра Алексеевича. Тут и рос, вместе с его дочерями. Своих родителей он не помнил, мал ещё был, когда их не стало, и почитал дядю и тётушку Наталью Васильевну за отца и мать, хотя величал их «дядюшка» и «тётушка». Пётр Алексеевич же тщательно прививал своему воспитаннику любовь к знаниям, учил не только грамоте, но и языкам, в которых сам был знаток. Нанял ему учителей и требовал, чтобы мальчика учили основательно, давая уроки чистописания, грамоты, математики, иностранных языков. В шестнадцать лет он привёл его в Тайный Приказ, где он сначала был посыльным и весь день-деньской бегал по всей Москве, относя то в один конец, то в другой письма, поручения, записки. А через год его перевели писарем, младшим подьячим, с жалованьем пять рублей в год. Видя, как аккуратно и усердно работает Алексей, ему стали поручать более сложные работы. И очень скоро он, видимо не без замолвленного дядюшкой слова, стал подьячим с жалованьем в пятнадцать рублей в год и выполнял только особые поручения, став, таким образом, главным доверенным лицом судьи Тайного Приказа, своего дядюшки Петра Алексеевича Громова.

Одевшись, Алексей вышел из своей опочивальни, отметив, что дверь в опочивальню дядюшки и тётушки приоткрыта и там ещё горят свечи. Это значит, что дядюшка, Пётр Алексеевич, уже спустился вниз, в столовую, а тётушка ещё у себя, прибирается перед тем, как выйти к общему столу. Она всегда спускается последней — одетой, прибранной, в мягком бархатном повойнике или шёлковом убрусе, домашнем сарафане или платье, спокойная, молчаливая и строгая. Несмотря на свои годы, а ей уже перевалило за четвёртый десяток, Наталья Васильевна оставалась статной и красивой той спокойной красотой, которая приходит к женщине с годами, если она проживает счастливую жизнь в замужестве. Наталья Васильевна была счастлива в браке. Хоть и не получилось у неё родить для своего Петра Алексеевича столь желанного им сына, он тем не менее любил и баловал свою «любушку», как он её называл в те часы, когда они были наедине. Возил ей подарки с дальних чужеземных стран, всегда находил время, чтобы зайти к ней, в женскую половину, чтобы спросить про здоровье да про дела, немного поговорить с ней. И был благодарен ей за то, что она вела дом, не взваливая на него ещё и эти хлопоты. Да за то, что сумела стать настоящей матерью для Алёшки. Строгий и даже суровый, рядом со своей «любушкой» он становился мягким и отдыхал душой, и поэтому очень ценил те редкие часы, когда он мог быть дома. Утренние часы, когда они собирались вместе за завтраком, как раз были такими — всем вместе сесть за большой стол, неспешно позавтракать, поговорить о том, кому и что предстоит сделать сегодня, а потом разойтись по делам. Пётр Алексеевич и Алексей — в Кремль, в Тайный Приказ, а Наталья Васильевна оставалась дома командовать домашней обслугой, чтобы всё делалось в свой срок. Решить, что купить из снеди, у кого из купцов товар получше, кого и на какой рынок отправить, кто дома прибираться будет, кто во дворе порядок наведёт, за лошадьми посмотрит да упряжь починит. А надо ещё и в курятнике прибраться, да воды в дом натаскать. Что на обед да на ужин к приходу Петра Алексеевича да Алёшки приготовить. Сейчас, когда все четыре дочери были замужем, семья уменьшилась. Втроём они и живут в большом доме. Алёшка — поддержка Петру Алексеевичу, надёжный, умный. Не у всех родные сыновья такие послушные да покладистые бывают, как их Алёшка. Как говорится, не было бы счастья… Наталья Васильевна подумала вдруг, а что было бы, не случись беды с братом Петра Алексеевича и его женой? Тогда у них бы и не было Алёшеньки! Сама себя обругав за такую мысль, садясь на своё место за столом, она взглянула на Алексея, стоявшего в ожидании, пока усядутся тётушка и дядюшка, чтобы сесть за стол и приступить к трапезе. Рослый и статный, с тёмно-серыми, как у Петра Алексеевича, умными глазами и соболиными бровями, с улыбчивым ртом и вихром тёмно-русых волос, как он мало напоминал того испуганного, заплаканного ребёнка, которого больше двадцати лет назад принесла в дом его старая кормилица. Вот и сейчас, встретившись глазами с Натальей Васильевной, он улыбнулся, а у неё от этого как будто в груди потеплело. Да разве можно сказать, что Алёшка им не родной? Вот только пора бы его женить, да Пётр Алексеевич что-то не торопится. Говорит, не надо спешить. А ведь Алексею двадцать второй год пошёл, пора бы! У его сверстников-то уже и детки бегают. Их младшенькая, Настёна, хоть и младше Алёшки почти на год, так уже и второго родила. Да то девочки, ладно. Им так полагается. Но и Алексея пора бы женить. При этой мысли в груди где-то кольнуло. Как и любой матери, не хочется ей делить Алёшеньку с другой женщиной. Материнская ревность, говорят. И как тут скажешь, что он ей не сын?

В это утро Наталья Васильевна, как и всегда, поднялась раньше всех в своей половине. Палаша, ещё сонная, подала ей умыться — студёной водой из принесённого с вечера кувшина, — помогла надеть домашнее платье и повязать убрус. Отпустив девку, Наталья Васильевна подошла к киоту в углу опочивальни, где в богатых окладах, при лампаде, темнели иконы Спасителя, Богородицы и Николая Угодника. Лампада горела ровно, не чадя, — она сама следила за тем, чтобы масло в ней не переводилось. Наталья Васильевна опустилась на колени, сложила руки и, глядя на тёмный лик Спасителя, стала читать утреннюю молитву — неспешно, вдум-

чиво, как учила мать. Молилась она о муже, о доме, о дочерях, разлетевшихся по своим гнёздам, и — дольше всего — об Алексее. «Господи, сохрани его. Вразуми, наставь, укрой от беды лихой и от глаза злого. Верни его домой целым и невредимым». Отдельно, как делала всякий раз, когда Алёшка собирался в дорогу, она затеплила тонкую восковую свечу перед иконой и, глядя на трепещущий огонёк, постояла ещё немного, собираясь с духом. Предчувствия у неё не было, дурных снов нынче не снилось, — а она верила своим снам, — но что-то лёгкое, беспокойное, как паутина, тронуло сердце. Так бывало всегда, когда кто-то из её мужчин уходил из дома. Женское сердце чует беду раньше ума, говорила её бабка. Наталья Васильевна вздохнула, перекрестилась и вышла из опочивальни, чтобы спуститься к завтраку.

Наталья Васильевна происходила из старинного, но небогатого дворянского рода Вельяминовых. Вельяминовы вели свою родословную от легендарного Шимона Африкановича, сподвижника Юрия Долгорукого, но к XVII веку род обеднел и захирел. Предки Натальи Васильевны служили городовыми воеводами в глухих уголках России, получали за службу поместья, но прирасти их не смогли — то неурожай, то война, то пожар. Отец её, Василий Семёнович Вельяминов, дослужился до московского дворянина, но большого состояния не нажил. Владел поместьем в Костромском уезде, имел дом в Москве, но жил скромно, не влезая в долги. Был человеком добрым, но слабохарактерным. Мать, Анна Ивановна, происходила из купеческой семьи — редкий для того времени брак между дворянином и купеческой дочерью, но Вельяминовы были не настолько богаты, чтобы разбирать невест по родовитости. Анна Ивановна принесла в семью не только приданое, но и хозяйственную хватку, которой так не хватало её мужу. Наталья была третьим и единственной выжившим ребёнком. Два её брата умерли во младенчестве. Росла она в любви, но не в роскоши, хоть и не бедствовала. Мать учила её грамоте, счёту, домоводству — всему, что нужно для ведения большого хозяйства. Отец, глядя на дочь, вздыхал: «Эх, кабы ты сыном родилась!» — и учил её читать книги, разбираться в людях, не бояться правды.

К семнадцати годам Наталья так расцвела — статная, с густыми русыми волосами, спокойными серыми глазами и твёрдым взглядом, что сваты в дом Вельяминовых повалили ручьём. Сватались к ней многие — и соседские помещики, и купцы, и даже один дьяк из приказа. Но Наталья, которой родители дали больше свободы, чем было принято, сама выбирала себе жениха. Петра Громова она увидела на смотринах у подруги. Он был старше, уже при должности. В хорошем кафтане, с серьёзным лицом и усталыми глазами. Не молодой щёголь, не пустой краснобай — человек, который знает, чего хочет. И который смотрит на неё не как на приданое, а как на человека. Наталье тоже приглянулся этот статный и молчаливый человек. Только она робела при нём, не смея поднять глаз, чего с ней не случалось ни с кем. И когда Громов, даже к удивлению родителей, попросил руки Натальи, те не отказали. Громовы хоть и не из верхов, но род крепкий, служилый. А мать, Анна Ивановна, поглядев на Петра, сказала коротко: «С таким не пропадёшь, Наташенька. И в обиду он не даст, и мужем будет хорошим». Свадьбу сыграли скромно, без лишней пышности. Пётр Алексеевич был человеком занятым, а Наталья не любила шумных торжеств. После венчания он увёз её в свой дом в Белом городе.

Первые годы были нелёгкими. Пётр Алексеевич много времени проводил в приказах, часто уезжал с царскими поручениями. Наталья оставалась одна — молодая, неопытная, в большом доме, где всё требовало её внимания. Но она не жаловалась. Взяла хозяйство в свои руки, как учила мать, и повела его так, что вскоре о доме Громовых заговорили: «У Громова жена — золотые руки, золотое сердце». А ей нравилось быть хозяйкой в большом доме, нравилось, как муж, Пётр Алексеевич, довольно поглядывает на её хозяйствование, и она сама проверяла кладовые, сама торговалась с купцами на рынке, сама присматривала за дворней. Слуги

уважали молодую хозяйку, уважали и побаивались — не за строгость, а за справедливость. Она могла и пожурить, и приласкать, и заступиться, если кто из дворовых попадал в беду.

Четыре дочери родились одна за другой. Наталья любила их, но в душе всегда таила боль — Бог сыночка не дал! Мужу нужен был сын. Она знала, что Пётр Алексеевич не упрекает её, что он любит и дочерей, но видела его тоску по наследнику. И когда после четвёртой дочери лекарь сказал, что рожать ей больше не следует, она долго молилась в своей опочивальне, прося прощения у Бога и у мужа. Потом вышла, села рядом с Петром, и сказала: «Милый мой, прости, что не смогла тебе сына родить». Он помолчал, потом взял её руку, поцеловал и ответил: «Бог дал, что дал. Не кори себя напраслиной».

Когда в лихой год умерли брат Петра Михаил, его жена, и старая кормилица принесла в дом Алёшку, которому ещё не было и года, Наталья приняла его как родного. Не задумываясь, не взвешивая, не спрашивая, будет ли от этого прок. Она носила его на руках, кормила из рожка, когда не хватало молока у кормилицы, лечила от первых детских болезней. И полюбила так, как не любила никого, кроме мужа. Иногда по ночам, когда Алёшка спал в своей люльке, а Пётр Алексеевич засиживался в кабинете, Наталья сидела у окна и думала о том, что не зря ей не дали сына. Видно, Господь готовил ей этого мальчика. Сироту, который станет ей роднее родного. Иногда даже удивляясь, что смогла полюбить чужого ребёнка, кажется, даже больше своих дочерей.

Она растила его в любви, но без баловства. Учила его грамоте, терпению, уважению к старшим. И когда он вырос и стал служить в приказе, она молилась за него каждое утро, зажигая свечу перед иконой Спасителя. И провожала его в опасные поездки с той же тревогой, с какой когда-то провожала мужа.

Наталья Васильевна была женщиной негромкой, но сильной. Она не любила шумных ссор, не выносила пустых сплетен, не влезала в мужские дела, но всегда знала о них больше, чем казалось. Пётр Алексеевич иногда удивлялся: «Откуда ты знаешь?» — а она только улыбалась: «Слуги болтают, а я слушаю». В доме у неё был порядок, при котором всё делалось вовремя, но никто не чувствовал себя загнанным. Она умела и наградить за усердие, и пожурить за лень. Свекрови у неё не было, но она сама стала для своих зятьёв тем, кого они называли «матушка Наталья Васильевна» — с уважением и теплом. И надеялась, что, когда Алексей приведёт в дом жену, она сумеет стать для неё такой же родной, какой сумела стать для Алексея.

Единственной слабостью Натальи Васильевны были книги. Пётр Алексеевич, зная это, привозил ей из каждой поездки что-нибудь новое — и жития святых, и хронографы, и даже диковинные повести с немецкого. Она читала по вечерам, при свече, уходя мыслями в невиданный мир, описанный в книгах. А иногда, если муж был дома, читала вслух ему. Эти вечера они любили оба. Иногда к ним подсаживался Алексей, тоже большой охотник до книг, и молча слушал, как льётся мягкий голос тётушки, которую ему с детства хотелось назвать матерью, но он как-то не смел. Кормилица с детства приучила, что это его тётушка и дядюшка. Любившая почивших родителей Алексея, она ревностно относилась ко всему, что касается их памяти, и приучила мальчика к тому, что он растёт не в доме родителей. Громовы не настаивали на своём и смирились. Так Алексей и вырос в этом доме племянником, а не сыном, хотя не каждому сыну, возможно, родители давали столько любви. Наталья Васильевна всякий раз, когда Алексей уезжал с опасными поручениями, утром зажигала свечу перед иконой. И каждую ночь, перед сном, шептала: «Господи, сохрани их обоих. Мужа моего и сынка названого, Алёшеньку. Верни их домой целыми и невредимыми».

Алексей всегда из дома уходил первым. Пётр Алексеевич — судья, глава Тайного Приказа, ему можно не спешить, никто не попрекнёт. У него и дома дела делаются. Он каждое утро у себя в кабинете ещё что-то делает. А ему, Алексею, опаздывать нельзя. И дьяки этого не любят, и сам он не хочет, чтобы потом за спиной болтали, что, раз дядя — судья, так Алёшка

лоботрясничает. Может, кому-то и казалось, что он меньше работает, а жалованье больше получает. Ведь он сейчас не сидел писарем, долгими часами переписывая бумаги, и не бегает с мелкими поручениями по всей Москве. Ему теперь доверяли работу с самыми важными документами, и кроме того, он был порученцем у самого судьи. И Пётр Алексеевич приблизил его вовсе не потому, что Алексей — его родной племянник, а потому, что видит: ему доверять можно. Знает, что любое поручение Алексей продумает и сделает лучше всех, приложив для этого всё своё усердие и умение. Цепкий и вдумчивый ум Алексея не пропускал никаких мелочей, и вскоре он, подьячий Приказа тайных дел, стал известен как искусный сыщик. Его умение находить улики и разгадывать загадки вызывало уважение даже у опытных дьяков. Даже старший дьяк, грубый и резкий Афанасий Артамонович Свиридов, у которого к подьячим, а уж к гонцам и посыльным, другого обращения, кроме «эй» или «эй, ты», нет, называет его по имени, «Алексей», и считается с его мнением.

На это утро незаконченных дел у Алексея не было, и он шёл с мыслями о том, что же ему предстоит делать сегодня. По опыту знал, что день пустым не бывает, и работа всегда найдётся. Если не сыск или важное поручение непосредственно от судьи, то найдутся документы, которые надо перевести с иностранных языков или даже расшифровывать тайнописи. Такого тоже хватало. Секретные донесения, зашифрованные письма приходили в Тайный Приказ отовсюду. Их часто привозили или пересылали из других городов, где не было возможности их перевести или расшифровать. По настоянию дядюшки, Петра Алексеевича, Алексей знал немецкий, шведский, польский и французский языки. Надо бы ещё и турецкий выучить — очень много попадалось документов на турецком: извечный враг, турецкий султан без устали засылал шпионов. Да и переговоры с ним случались часто. Дядюшка ему говорил, чтобы общался с татарами, которых в Москве хватает, тогда и турецкий легко дастся. Надо бы попробовать…

Выйдя за ворота, Алексей сразу почувствовал, как мороз стиснул лицо. Дыхание вырывалось белым облачком и тут же таяло в студёном воздухе. Снег, выпавший за ночь, лежал нетронутым, и только кое-где по улице тянулись узкие тропы, протоптанные ранними прохожими. Алексей шагал по одной из них, и снег предательски поскрипывал под сапогами — этот скрип, казалось, разносился по всей улице, такой стоял вокруг морозный, хрупкий, ничем не нарушаемый покой. Дома по обе стороны улицы, присыпанные снегом, казались ниже и приземистее, чем летом. Из труб поднимались прямые столбы дыма, и этот дым, смешиваясь с морозной дымкой, висел в воздухе сизой пеленой, отчего дальний конец улицы угадывался только смутно. Воробьи, нахохлившись, сидели на заборах и на водосточных желобах, не перелетая с места на место, — тоже прятались от холода. У колодца на перекрёстке баба в тулупе и вязаном платке набирала воду; из ведра валил пар, и мокрые руки её краснели на морозе. Она оглянулась на Алексея, но тут же вернулась к своему делу. Улица жила своей обычной, неспешной жизнью, и Алексей, привычно ускоряя шаг, чтобы согреться, шёл мимо занесённых снегом лавок, мимо кабака, где уже топтался какой-то мужичок в рваном армяке, мимо приказной избы, где тускло светились оконца.

Дорога до Кремля была неблизкой — полчаса пешком, если идти ходко и не задерживаться. Алексей знал её наизусть: вот поворот на Никольскую, вот Знаменский монастырь, вот остатки старой стены Белого города, за которой начиналось Занеглименье. Он любил эти утренние часы, когда Москва ещё не совсем проснулась, когда морозный воздух бодрил и прочищал голову, а мысли шли ровно и спокойно. Сегодня, впрочем, мысли были заняты не обыденным — что-то подсказывало ему, что день этот не будет похож на прочие. Он не мог бы объяснить, откуда взялось это чувство, — то ли от взгляда тётушки, задержавшегося на нём дольше обычного, то ли от того, как низко, тяжело висело небо над городом. Как бы то ни было,

Алексей шёл к Кремлю с тем особенным внутренним собранным состоянием, какое бывает у человека перед важным, ещё неведомым ему делом.

Дойдя до Боровицких ворот Кремля, Алексей вынул свой пропуск, на котором значилось: «По указу Великого Государя дозволяется подьячему Алексею Громову входить в Кремль для служебных дел Тайного Приказа. Печать приложена. Лета 7172 (1664 год), месяца октября в 10 день». Стрельцы у ворот всегда очень внимательно проверяли документы, вчитываясь в каждое слово, поэтому Алексей терпеливо ждал, когда ему вернут его пропуск, а потом, аккуратно сложив пергаментный листок вчетверо, убрал в нагрудный карман. Стрельцы отступили, открывая ему путь во двор Кремля. Он кивнул и, миновав ворота, свернул налево, к приказным палатам, где и располагался Тайный Приказ, поближе к царским покоям, чтобы царёвым слугам да посыльным недалеко было ходить. Поручений да приказов оттуда поступало множество, не набегаешься, если далече-то быть!

Открыв тяжёлую кованую железом дверь Приказа, Алексей шагнул в присутствие. Здесь уже сидели подьячие, при мерцающем тусклом свете масляных свеч склонившиеся над листами бумаги. Было тихо, и только скрип перьев да шуршание бумаги нарушали утреннюю тишину канцелярии. В большом зале канцелярии, или присутственного места, работали десять подьячих и дьяк. Они без устали переписывали и переводили документы, исполняя приказы от государя и направляя их далее, по другим приказам или ведомствам. Тайный Приказ занимался секретными поручениями царя, расследованием заговоров, контролем за чиновниками и другими деликатными делами, всего и не перечесть. Поэтому работы всем хватало. Как и предполагал Алексей, на его столе, с некоторых пор отдельном, как у дьяков, в отличие от всех подьячих, которые все сидели за одним длинным столом, лежали документы, которые надо было перевести. Одно письмо на польском и два на немецком. Это не представляло большой сложности, поэтому, взяв несколько листов чистой бумаги и наточив новое перо, он придвинул к себе чернильницу и чётким, красивым почерком стал записывать перевод. И только он успел отложить перо, закончив с переводом, как услышал голос дьяка, Афанасия Артамоновича:

— Алексей, пройди к Петру Алексеевичу!

Алексей быстро поднялся со своего места и направился к лестнице, ведущей на второй этаж, где располагался кабинет судьи. Подойдя к тяжёлой дубовой двери кабинета, он одёрнул свой кафтан, подпоясанный широким кушаком, поправил его, пригладил на груди и только потом постучал в дверь. Сердце билось чаще, чем следовало бы. Он знал этот кабинет с детства, знал каждый его угол, но всякий раз, входя сюда, чувствовал себя мальчишкой, который боится сказать что-то не то. Дядя никогда не повышал на него голоса — и именно поэтому Алексей боялся ошибиться больше всего.

Кабинет судьи был большим и светлым, о двух окнах. И света здесь хватало, поэтому восковые свечи в двухрожковых серебряных подсвечниках, стоявших на столе, были уже погашены. Свет восходящего зимнего солнца падал на большой, массивный дубовый стол, на котором, кроме подсвечников, лежали какие-то бумаги, свитки. Взгляд Алексея выхватил большой серый конверт, который лежал отдельно от других бумаг. Стараясь не выдать своего волнения, Алексей остановился перед столом и слегка поклонился сидящему в обитом бархатом кресле с высокой спинкой Петру Алексеевичу. Став порученцем по важным делам, ему часто приходилось бывать в этом кабинете. Но всякий раз, входя сюда, он испытывал настоящий трепет от вида этого кабинета, полного тайн, и своей некоей причастности к этим тайнам, от того, каким важным и секретным человеком был его дядя, занимающий этот кабинет и вершащий дела от имени самого государя. А то, что он приходился Алексею родным дядей, ещё больше повышало его ответственность. Подвести его он не мог никоим образом!

Пётр Алексеевич Громов, высокий, плотный мужчина лет пятидесяти, с седыми волосами и строгим взглядом серых, как и у Алексея, глаз, сидел за массивным дубовым столом. Его кафтан из тёмно-синего сукна с серебряными пуговицами говорил о высоком статусе. Такой мог носить только судья, да ещё несколько важных государевых приближённых.

На пальце Петра Алексеевича сверкал перстень с печатью Приказа. А за его спиной, в шкафах и полках, набитых книгами и секретными документами, хранилось столько тайн, что любой иноземный шпион дорого бы отдал за то, чтобы в них заглянуть!

Он молча несколько секунд смотрел на племянника, который выжидал, зачем же его вызвали в этот кабинет. Ведь ещё всего пару часов назад, дома, и речи не было ни о каких важных делах. А в том, что дело важное, Алексей не сомневался. По другим делам Пётр Алексеевич его не вызывал.

— Алексей, — начал тот, разворачивая грамоту с царской печатью, — тебе поручается важное дело. Это послание должно быть доставлено в Ярославль без промедления. Тебе придётся ехать одному, чтобы не привлекать внимания. Выехать надо сегодня же.

Алексей, готовый к любым поручениям, не удивился такому приказу. Надо, так надо. Он кивнул и, повинуясь приглашающему подойти ближе жесту, сделал шаг к столу. Его стройная фигура в подпоясанном кафтане из тёмно-зелёного сукна и высоких сапогах выдавала в нём человека, привыкшего к действию. На поясе висел кинжал — подарок дяди, который Алексей никогда не снимал.

— Я готов, Пётр Алексеевич, — ответил он твёрдо. Здесь, на службе, повинуясь негласному требованию, младший Громов называл старшего по имени-отчеству, а старший младшего — полным именем. Никаких «дядя, дядюшка» или «Алёшенька, Алёшка».

— Будь осторожен, Алёшка, — нарушив неписаный уговор, предупредил Пётр Алексеевич. — Дорога опасна, особенно сейчас, зимой. А ты будешь один.

Он помолчал. Хотел сказать что-то ещё — Алексей видел это по глазам, — но не сказал. Только подошёл к столу, развернул грамоту, пробежал глазами, будто проверяя, всё ли на месте. Потом заговорил снова, и голос его стал суше, ровнее — так он говорил всегда, когда дело касалось службы:

— Послание касается не только Нижнего Новгорода, но и всей России. Доставить его надо лично в руки ярославскому воеводе Василию Яковлевичу Унковскому.

Пётр Алексеевч снова замолчал. Алексей ждал. За окном где-то далеко скрипели полозья — кто-то ехал по улице. Пётр Алексеевич вздохнул и добавил совсем тихо, почти неслышно:

— Если что, Алексей... ты знаешь, о чём я. Успей его уничтожить.

И протянул конверт. Рука у него была сухая, тёплая, и на миг задержалась на руке Алексея — чуть дольше, чем нужно.

— Я всё сделаю, — ответил Алексей.

Он спрятал конверт за пазуху и повернулся к двери. Уже у порога услышал:

— Иди, Алёша. Собирайся.

Это было сказано не как приказ судьи, а как просьба дяди. Алексей кивнул, не оборачиваясь, и вышел.

Глава 2. Ночная дорога

Алексей выехал из Москвы уже через пару часов. Часы на Спасской башне Кремля не успели пробить полдень, как он, простившись с тётушкой Натальей Васильевной, проводившей его с высокого крыльца, выехал за ворота дома. Он спешил, чтобы засветло успеть проехать побольше, и к ночи добраться до постоялого двора. Быстро проехал по мощёным деревянным улицам Москвы, по утоптанным улочкам Кузнецкой слободы, а вскоре и Земляной город остался позади, и Алексей оказался за пределами Москвы.

Его конь, гнедой жеребец по кличке Буран, уверенно ступал по заснеженной дороге. Вокруг расстилались бескрайние снежные поля, окутанные тишиной. Лишь изредка ветер шелестел ветвями деревьев, да вдалеке слышался вой волков. Но они были далеко, да и Алексей, вооружённый шпагой и пистолями, которые торчали из его чересседельной сумки, не боялся их. Мороз крепчал, и скрип снега под копытами Бурана разносился в студёном воздухе.

Небо, ещё утром ясное, к вечеру затянуло низкими, тяжёлыми облаками, и оно набухло, потемнело, обещая новый снег. Алексей подгонял коня, поглядывая на дорогу: ему хотелось поскорее добраться до тепла, до жилья, где можно будет согреться, поесть горячего и дать отдых себе и верному Бурану.

Ночь опустилась быстро. Луна, скрытая облаками, слабо освещала дорогу.

Алексей натянул меховую шапку на уши и плотнее запахнул тулуп. Он знал, что до ближайшего постоялого двора ещё несколько вёрст, и торопился, чтобы успеть до полуночи. Вдруг впереди послышался шум. Алексей придержал коня и насторожился. Из-за поворота выехали трое всадников. Их лица были скрыты башлыками, а в руках блестели сабли.

— Стой! — крикнул один из них, подъезжая ближе. — Кто едет?

— Подьячий Приказа тайных дел, — ответил Алексей, стараясь говорить уверенно. — Пропустите, у меня срочное дело.

Проговорив это, он вдруг понял, что перед ним не служивые, как он подумал сначала, а лихие люди, разбойники. Он придержал коня, думая, как лучше поступить. Ввязываться в драку не стоило. Разбойников трое, а он один, и помощи ждать неоткуда. Буран, будто угадав мысли хозяина, напрягся, готовый рвануть с места по первому его знаку.

— Приказ? — усмехнулся другой разбойник. — А мы как раз любим приказы... Особенно те, что в твоей сумке.

Он двинул своего коня, чтобы заехать Алексею за спину. Алексей понял, что словами делу не поможешь. Он резко ударил коня шпорами и рванул в сторону, стараясь обойти разбойников. Те бросились в погоню, но Буран был быстрее. В какой-то миг Алексей обернулся — и увидел, как один из разбойников заносит саблю. Лезвие блеснуло в лунном свете, и Алексей почувствовал, как по спине прокатилась холодная волна. Он не настолько был воином, чтобы сражаться с тремя привычными к бою разбойниками. Если они догонят — он погиб! Эта мысль была не страшной, а какой-то ледяной, ясной, и от неё руки на поводьях стали влажными.

Через несколько минут Алексей уже мчался по пустынной дороге, оставив преследователей позади.

Пока разбойники, ругаясь и крича, разворачивали своих коней на узкой дороге, он уже сумел ускакать на своём быстроногом Буране так далеко, что теперь уже не очень опасался, что его смогут догнать. И хотя было совершенно не до смеха, оглянувшись на оставшихся далеко позади незадачливых разбойников, Алексей рассмеялся.

— Ох, Буранушка, спасибо тебе, друг, не подвёл! — похлопал он по упругой шее своего верного коня. И тут же, помимо воли, рука метнулась к груди — там, за пазухой, под кафтаном, лежал конверт с царской печатью. Цел. Слава Богу. Конь же, понимая, что опасность не миновала, скакал, не снижая хода. Его не нужно было подгонять и пришпоривать. Умный конь сам знал, как надо спасаться от беды. И только тогда, когда показались неяркие огни темнеющего впереди то ли деревни, то ли постоялого двора, Буран сбавил ход и, устало всхрапывая, перешёл на шаг.

— Ну, вот, вроде, постоялый двор, — сказал Алексей, обращаясь к коню. Он всегда с ним говорил вслух, будучи уверенным, что верный Буран понимает его. — Сейчас отдохнёшь.

Это оказалась совсем маленькая деревня, всего в десяток домов, вытянувшаяся вдоль тракта. Несмотря на позднее время, почти во всех окнах теплился жёлтый свет от горящих свечей. Придержав коня, Алексей внимательно оглядывал дома, стараясь угадать, какой из них является постоялым двором. По его мнению, он должен бы быть побольше. Но так и не угадав,

решил подъехать к ближайшей избе и спросить. Он проехал по расчищенной до ворот дорожке к дому, и не успел он спешиться, как дверь дома распахнулась, как будто его там ждали, и раздался ворчливый стариковский голос:

— Кого там носит в ночь?

— Проезжий, — осторожно ответил Алексей, не спеша называться. — Дедушка, не подскажешь, где тут постоялый двор?

— А тут всё — постоялый двор, — ответил старик, который вышел на крылечко в одной длинной рубашке. — Каку хошь избу выбирай, все примут.

В руке у старика была лампа с сальной свечкой внутри. Он шагнул вперёд, то ли желая осветить путь приезжему, то ли пытаясь разглядеть его. Но тусклый, неровно горящий свет, наоборот, делал непроницаемо тёмным всё вокруг. Зато Алексей хорошо видел хозяина дома, вышедшего ему навстречу. Это был крепкий, рослый старик с редкими седыми волосами почти до плеч, с такой же белой бородкой и усами, одетый в домотканую рубаху почти до колен, подпоясанную таким же пояском, в просторных штанах, обутый в обрезанные чуть выше щиколотки старые валенки.

— Мы тут все извозом да гостями проезжими живём, — продолжил старик, ожидая, спешится проезжий или поедет дальше. — Переночевать примем, накормим, и коня в тёплое стойло поставим.

Говорил он таким строгим тоном, будто не хотел, чтобы гость остановился у него. Но Алексей уже решился и быстро спешился, и теперь стоял, поглаживая своего Бурана по холке. Тот довольно всхрапывал, чувствуя, что сейчас его отведут в тепло, накормят, напоят, и он наконец отдохнёт после долгой скачки по морозу. Бока его судорожно вздымались и были мокрыми от обильно проступившего пота.

— Ну, коль примите, у вас тут и переночуем, — решительно сказал Алексей и начал снимать с седла свои сумки. Тут же около него возник неизвестно откуда взявшийся парнишка, тоже в домотканой рубахе, но накинутой поверх неё меховой безрукавке, и взял из рук Алексея поводья.

— Коня в стойло отведу и овса дам, — сказал он, и Буран, кося своими огромными глазами на хозяина, будто спрашивая, можно ли доверять, нехотя пошёл в сторону темнеющих невдалеке построек.

— Иди, Буранушка, — тихо сказал Алексей, глядя ему вслед, понимая, как нужен коню отдых.

И только увидев, как из открытой двери конюшни вырвался пар тёплого воздуха, он поднял с земли свои сумки и шагнул к стоящему старику:

— Пойдём, дедушка, я тоже устал, — негромко сказал он.

Изба, показавшаяся снаружи в темноте небольшой, внутри оказалась просторной и довольно светлой от двух горящих сальных свеч.

— Проходи, гость, не побрезгуй, — сказал хозяин и повёл рукой в сторону большого стола и стоящих вокруг него лавок.

Алексей внимательно обвёл глазами дом и, только решив, что опасности здесь нет — дом был пуст, — неспешно скинул свой тулуп и повесил его на вбитый в стену деревянный штырь. В просторной избе стоял большой деревянный стол, вымытый и выскобленный добела, вокруг — широкие лавки, большая белёная печь почти перегораживала избу, отделяя хозяйственную часть. Там тоже стоял стол, но поменьше, на стенах — полки с посудой. В противоположной от печи стене — небольшая дверь, почти незаметная в стене. Хозяин же, увидев под тулупом дорогой камзол и меховые сапоги гостя, только хмыкнул. Дорогой гость к нему пожаловал! Но

голос его от этого не стал услужливее, и выражение лица не изменилось. Увидев, что взгляд гостя остановился на двери в стене, он кивнул — опочивальня там.

Он с ног до головы, не пряча взгляда, оглядел Алексея и только потом крикнул, чуть повернувшись в сторону печи:

— Матрёна, гостя принимай!

Тут же из-за печи, будто ожидавшая сигнала, выкатилась небольшая, гладенькая, кругленькая пожилая женщина, которую старухой-то нельзя было назвать, настолько она была быстрая и юркая, и стремглав, и как-то бесшумно добежав до стола, она чистой белой тряпицей обмахнула стол и только потом, повернувшись к гостю, поклонилась молча.

Не успел Алексей снять тёплый камзол, как она уже стояла возле лавки, на которой стоял небольшой медный таз, а в руках держала кувшин, на плече — перекинутый рушничок. Алексей с наслаждением мыл руки тёплой водой, которую аккуратно лила из кувшина ему на ладони хозяйка, она так же молча подала ему рушник и, подхватив таз и кувшин, так же быстро укатилась за печь. Потом быстро появилась снова, неся большую плошку с ароматно пахнущим густым варевом. Изба мгновенно наполнилась мясным духом, и Алексей невольно сглотнул слюну. Он только сейчас вспомнил, что ел ещё ранним утром, собираясь в Приказ. А потом, перед дорогой, хоть тётушка и накрыла быстро на стол и попыталась его накормить, Алексей толком не смог поесть, только выпил кружку молока. Мысли о предстоящем дальнем пути, тревожные и вместе с тем будоражаще радостные, лишили его аппетита, и кусок тогда просто не шёл в горло. А сейчас от запаха настоявшегося в печи мяса ему остро захотелось есть, и он с удовольствием набросился на еду, зачёрпывая густое варево деревянной ложкой и заедая пористым кисловатым хлебом. Ему казалось, что так вкусно он никогда ещё не ел. А потом прошёл за ту самую небольшую дверь, за которой оказались две широкие деревянные то ли лавки, то ли кровати с набитыми соломой тюфяками, но застеленные чистыми домотканными простынями. Он со стоном опустился на ближайшую и уснул, едва коснувшись головой подушки.

Утром, когда тот же парнишка, при свете дня оказавшийся совсем ещё подростком, подвёл ему отдохнувшего, сытого и вычищенного Бурана, Алексей, вынув из кармана, протянул хозяину полтину.

— Двугривенного хватило б, — покачал головой тот, но деньги принял.

— Спасибо, дед, — улыбнулся Алексей. — А звать-то тебя как?

— Матвей я, — ответил тот, глядя так же строго и неулыбчиво. — Сам-то кто будешь? А то вчера тебе не до разговоров было... Куда путь держишь?

— А я — Алексей Громов, подьячий Тайного Приказа, — ответил Алексей. — Еду по делам в Ярославль.

— Далече, — покачал головой тот. — Ну, доброго тебе пути. А как обратно поедешь — заезжай.

Алексей кивнул старику и, вскочив в седло, тронул поводья. Отдохнувший конь рысью взял с места, и вскоре маленькая деревушка осталась далеко позади. А старик ещё долго глядел вслед удаляющемуся всаднику.

— Эх, молодо-зелено, — проворчал он тихо, лишь самому себе. — Взял да и обсказал всё! А ежели я варнак какой?

Варнаком старик не был. Был он старым солдатом, прошедшим за свою долгую службу немало войн и баталий и знавшим цену и жизни, и смерти. Совсем ещё юнцом начал он службу простым городовым стрельцом, ещё при покойном государе Михаиле Фёдоровиче и при его батюшке, патриархе Филарете. Только-только смуту великую забывать стали... Чего только не пришлось Матвею пройти — и против поляков под Смоленском повоевал, целых два года бились с супостатом, да так и не отстояли тогда Смоленск, остался он под поляком; и в степи ходил, с татарами биться, и засечные черты строил от них, и в полках нового, «немецкого» строя успел повоевать. Урядника в полку иноземного строю такого имели — зверь, а не чело-

век, но делу учил крепко. Благодаря ему многие и живы-то остались. И вспоминали его, хоть и ругаясь, но по-доброму, с благодарностью. А уж потом, выйдя в отставку по чистой, получил он за службу небольшой надел в придорожном сельце, где все жили извозом да проезжими гостями, да и, послушавшись умного человека, построил заезжую избу, привёл в неё свою Матрёну — встретил тихую одинокую вдову, да и зажили они тут вдвоём. Всякого люда приходилось видеть ему в проезжих гостях, и простых, и богатых гостей, коли их в пути непогода заставала, где уж искать большой постоялый двор — и такие, бывало, заезжали. А вот парень этот почему-то в душу запал. И не говорили почти, уставший он был очень, едва поел, да спать завалился, а вот гляди ж ты — то ли напомнил кого, то ли потому, что ехал так далеко, да один, совсем ещё мальчишка — жаль его стало. Ещё и разбойников встретил по пути! Знал старый Матвей, что шалят на дороге разбойники. А куда без них? Они всегда на всех дорогах есть. И повезло парню, что сумел уйти от них так легко — конь у него знатный. А в другой раз может так не повезти. Страшно одному быть на большой дороге!

Глава 3. Тайны и боль судьи Громова

Когда за Алексеем закрылась тяжёлая дверь, Пётр Алексеевич посидел некоторое время, глядя на дверь, а потом неспешно встал и подошёл к окну, из которого была видна дорога, ведущая к воротам Кремля, даже сам себе не признаваясь, что хочет ещё раз увидеть Алёшку, взглянуть, как он пройдёт быстрым шагом по этой самой дорожке. Он любил своего племянника какой-то особой любовью, острой, тоскливой и нежной. Совсем иначе, чем своих дочерей. Те были свои, при отце-матери, в меру балованные, в меру получившие всё, что причитается получить дочерям в родительском доме. Иное дело — Алексей, Алёшка... Сын младшего брата, младенцем оставшийся круглой сиротой. То ли невольно беря на себя вину за то, что не сумел уберечь младшего брата Михаила и его жену в тот страшный год, когда холера в Москве как косой прошлась, то ли от тоски, что не дал ему Бог сына родного. Он не задумывался, так бы он любил Алёшку, будь у него свой сын. Своего сына у него не было, а Алёшка был, и он, Пётр Алексеевич, сам себе не отдавая отчёта, любил и жалел его больше своих дочерей. Любил больше, как отец может любить только сына, и посылал одного в такой опасный путь. Поэтому и стоял теперь у окна, чтобы ещё раз взглянуть на него.

Во дворе было пусто, только стражник, стоящий с внутренней стороны ворот, одиноко маячил в тени башни. Так быстро пройти Алексей не мог, и поэтому Пётр Алексеевич остался у окна, в ожидании, когда племянник выйдет из дверей присутствия. Вскоре он услышал, как хлопнула тяжёлая дверь, и увидел, как ладная фигура Алексея появилась на дорожке.

— Обернётся или нет? — подумал он вслух, сам в душе желая, чтобы Алексей обязательно оглянулся. А когда тот оглянулся, видимо, желая увидеть в окне его, своего дядюшку, Пётр Алексеевич невольно отступил на шаг, сам не понимая, почему так сделал. Видимо, извечная осторожность брала своё — быть осторожным, быть в тени. Всю свою жизнь он учился быть в тени, уметь видеть и слышать, быть осторожным.

Будучи четвёртым сыном в небогатой семье Алексея Савватеевича Громова, не худородного, но и не самого знатного, не из верхов, рода, он с юных лет понимал, что добиваться в жизни всего придётся самому — наследства ждать неоткуда. И поэтому совсем ещё мальчишкой был отдан на службу. Отцу посодействовали, помня о его службе в «московское осадное сидение» при царе Михаиле, и Петра пристроили жильцом — мальчиком на побегушках при царском дворе. Это был низший придворный чин. Там он учился смотреть, слушать и молчать.

Москва, а с ней и вся русская земля зализывала раны после смуты. На троне сидел первый русский царь из Романовых — Михаил Фёдорович, а правил страной Патриарх Филарет, отец

государя. Правил железной рукой. «Великий государь» в клобуке вершил суд наравне с царём, в уме и власти, в хитрости превосходя его. Это заронило в юном Петре понимание: власть — это не только родовитость, но и близость к трону, умение быть полезным и незаменимым. Когда проиграли полякам смоленскую войну, юный Пётр понял второй урок: государство слабое, потому что у него нет верных глаз и ушей, потому что воеводы воруют, а дворяне разбегаются, перебегая то в одну, то в другую сторону. Именно тогда он задумался: чтобы побеждать, нужно знать всё о тех, кто рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.